

К 100-летию со дня рождения Поля Рикёра

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

О.И. МАЧУЛЬСКАЯ

27 февраля 2013 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося французского философа Поля Рикёра. Рикёр вошел в историю мировой культуры как теоретик феноменологической герменевтики. В своем учении философ творчески интерпретировал идеи рефлексивной философии Декарта, Канта, Набера, феноменологии Гуссерля, герменевтики Шлейермахера и Дильтея, экзистенциализма Марселя, Ясперса, Хайдеггера, аналитической философии. В отличие от своих предшественников Рикёр трактует герменевтику не только как метод познания, но, прежде всего, как способ бытия и видит свою задачу в том, чтобы «привить проблему герменевтики к феноменологическому методу»¹. Философ исследовал укорененность человека в бытии, чтобы приблизиться к пониманию его телеологии.

С позиции герменевтического учения Рикёра, язык, являющийся изначальным условием культурного творчества, обладает символической функцией. Символ как совокупность значений имеет двойственный смысл, нуждающийся в истолковании: первичный – буквальный и вторичный – экзистенциальный. Философ предлагает метафору в качестве инструмента осмысления символов, поскольку значение художественных тропов заключается не в отдельных словах, а в той напряженности, которая возникает в результате соединения слов во фразах. Это значение открывается человеку благодаря его способности к семантической инновации. Рикёр рассматривает текст как структурированную форму дискурса, зафиксированную материально и передаваемую от одного сознания к другому посредством прочтения. Тексту присуща относительная смысловая автономия от передающего и воспринимающего субъектов, что порождает многообразие прочтений, ведущее к конфликту интерпретаций. Наличие такой полисемии истолкований требует от человека неустанного творчества, искусства объяснения и понимания. Французский философ видит задачу герменевтики не только в истолковании символов и прочтении текстов, но и в осмыслении и интерпретации творений культуры и социальных действий.

Особое место в концепции Рикёра занимает понятие «человек могущий» – понятие субъекта культурно-исторического творчества,

обладающего волей к познанию и преобразовательной деятельности. Исходным пунктом анализа формирования «человека могущего» является, с точки зрения философа, процесс становления личной идентичности. Это становление осуществляется на тройственной основе: лингвистической – в акте дискурса (кто говорит?), практической – в сфере деятельности (кто является субъектом действия?), повествовательной – при изложении истории (о ком идет речь?). По мнению Рикёра, посредством подобного рефлексивного движения индивид конституирует себя в качестве морально-этического и политического субъекта, способного быть вменяемым и нести ответственность за свои поступки. В акте коммуникации на всех уровнях конституирования личной идентичности имеет место вклад иных людей: «другого» – конкретного индивида, облик которого выявляется в межличностных отношениях – и «любого» – абстрактного внеличного участника коммуникации. Как утверждает философ, эта тройственная структура коммуникации: «я» («самость») – «другой» («как и я») – «третий» («любой») образует схему «порядка признания» – необходимого фактора взаимодействия членов общества, условия созидания и освоения культурных ценностей.

Итогом размышлений Рикёра о человеке, истории, морали и политике явилась его концепция справедливой памяти. Исследовав проблемы исторической памяти, забвения, вины и прощения, философ приходит к выводу о том, что человек обязан нести ответственность перед историей, а политике надлежит стать духовной. Для этого необходимо руководствоваться идеей справедливой памяти, которая подразумевает, что человек должен уметь не забывать, не становясь при этом заложником собственной памяти. Справедливая память требует от нас великодушия и способности прощать.

Поль Рикёр неоднократно говорил о том, что несмотря на то, что свои научные изыскания он проводил главным образом в сфере западноевропейской и североамериканской культур, он испытывает интерес к России и русской культуре. Во время Второй мировой войны, в 1940 – 1945 гг., находясь в немецком плену, Рикёр изучал русский язык. Занятия вел другой французский узник лагеря, такой же интеллигент из университетской среды, волею судьбы ставший военным. Сам Рикёр преподавал в лагере историю философии.

Среди величайших писателей мирового значения, оказавших сильное влияние на его творчество, Рикёр называл Достоевского и Толстого. По словам философа, книги Достоевского помогали ему осмысливать морально-этические проблемы, в частности, темы зла, вины, нравственного обращения, прощения. Рикёр часто перечитывал Достоевского, называл его самым выдающимся из русских философов, книгу «Братья Карамазовы» во французском переводе он взял с собой во время поездки в Москву на Всемирный философский

конгресс. Рикёр высоко ценил произведения Толстого, особенно роман «Война и мир», который стал для него «грандиозным опытом размышления об истории»², полным «осторожного и почтительного отношения к ее непрозрачности»³. Рикёра привлекало творчество Пушкина, Гоголя, Чехова. Из произведений современных ему российских писателей философ отмечал роман Пастернака «Доктор Живаго» и книгу Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Рикёр рассказывал о том, что публикация работ Солженицына произвела переворот в мировоззрении французской интеллигенции, симпатизировавшей идее социализма, и побудила его пересмотреть собственные политические убеждения. Рикёр изучал религиозно-философские концепции Н. Бердяева и С. Булгакова. Он считал их близкими экзистенциально-персоналистскому направлению в философии XX в. С Бердяевым философ был лично знаком и посещал его лекции в Париже. Рикёра интересовали работы лингвистов Н. Трубецкого и Р. Якобсона, философа Н. Лосского. Он часто цитировал их в своих трудах. В философско-культурологической концепции М. Бахтина его привлекали идеи полифонии литературных произведений, диалогичности как основы структурирования гуманитарных наук, бытия как события. Рикёра интересовала древнерусская иконопись. Во время своих поездок в Москву и Петербург он всегда посещал залы древнерусского изобразительного искусства в Третьяковской галерее и в Русском музее. Большое впечатление на него произвело посещение Кремлевских соборов, Троице-Сергиевой Лавры, Спасо-Андроникова монастыря. Рикёр особенно почитал «Троицу» Андрея Рублёва. Живописная копия этой иконы висела у него дома в Шатене-Мальябри. Философ рассматривал иконопись как классический пример выраженных в художественной форме символов, вызывающих к истолкованию их трансцендентного смысла. Рикёра очень заинтересовала предложенная российским математиком А.А. Матвеенковым интерпретация изображенной на «Троице» Рублева геометрической фигуры как математического представления идеи троицы.

В России на конференциях, в дискуссиях и интервью Рикёру очень часто задавали вопросы о его отношении к русской культуре и о ее роли в Европе и в мире. Отвечая на эти вопросы философ, как правило, обосновывал тезис об универсальном характере культуры: когда мы мыслим категориями культуры, мы имеем в виду не географию, «не границы, а зоны культурного влияния, пересекающиеся друг с другом»⁴. В качестве примера он приводил Большой зал Московской консерватории, где имена и портреты великих композиторов соседствуют друг с другом независимо от их национальной принадлежности. По мнению философа, российской культуре «присуща способность объединять новаторство с традицией, которая в ней необычайно богата и созвучна... с Западом: в ней соединились иудаизм и христианство, наследие века Просвещения

и великих романтиков»⁵. С точки зрения французского мыслителя, Россия не является ни периферией, ни оппонентом Европы. Россия — это один из влиятельных источников культурного творчества мирового значения.

После падения «железного занавеса» наконец осуществилась мечта Рикёра побывать в России. Впервые он приехал в СССР в середине 50-х гг. В составе делегации французских интеллектуалов по дороге в Китай философ провел несколько дней в Москве.

Второй раз Рикёр приехал в СССР для участия в конгрессе Международного института философии. У него осталось тягостное впечатление от скованности со стороны советских коллег.

В 1969 — 1970 гг. Рикёр был деканом факультета словесности и наук о человеке в Университете Париж-Нантер. Министерство образования Франции командировало его в СССР с целью изучения опыта работы советских университетов. Рикёр читал лекции на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. По его мнению, в то время преподавание в университетах СССР носило крайне догматический характер. После лекций советские преподаватели «исправляли» его в духе диалектического материализма. Рикёр был изумлен тем, что советские коллеги квалифицируют его концепцию наряду с другими влиятельными философскими учениями XX в. как «современную буржуазную философию», подлежащую критике с позиций марксизма. Философ вспоминает о забавном эпизоде, произошедшем с ним во время выступления на кафедре атеизма и истории религии. «После... лекции слушатели говорили: “Как утверждает профессор Рикёр, не хлебом единым жив человек”. И я так и не понял, знали ли они о том, что некто гораздо более значимый, чем я, уже говорил это задолго до меня»⁶.

В 1980-х гг. Рикёр посещал СССР в качестве туриста.

В августе 1993 г. Рикёр приезжает в Россию по приглашению Института философии Российской академии наук. Он участвует в работе XIX Всемирного философского конгресса «Человечество на переломном этапе: философские перспективы». После окончания конгресса в качестве гостя Института философии Рикёр знакомится с российскими исследователями и переводчиками философских текстов, читает лекции на темы: «Герменевтика и метод социальных наук», «Повествовательная идентичность», «Мораль, этика и политика». Выступления Рикёра проходили в атмосфере колоссального энтузиазма: институтский конференц-зал был переполнен, устраивались очереди из желающих задать вопрос. В свободное время философ не только осматривал музеи и архитектурные памятники Москвы, но и с присущими ему любознательностью и открытостью стремился увидеть то, что обычно не демонстрируют иностранным туристам, понять подлинный смысл происходящих в России собы-

тий. «Хождению в народ» французского философа способствовало произошедшее с ним недоразумение. Рикёр по обыкновению отправился в поездку с кредитной картой одного из французских банков. Однако оказалось, что такие карты в России не активируются и получить деньги он не может. Администрация Института философии оформила для него командировочные в соответствии с принятыми в России нормативами. Этих денег Рикёру хватило лишь на два обеда в московских ресторанах. А затем ему пришлось вживаться в нравы российской интеллигенции: ездить на общественном транспорте, питаться пирожками у станций метро, участвовать в институтских «посиделках-чаепитиях». Давая оценку этому опыту познания жизни изнутри, философ сказал: «Российская действительность полна контрастов. С одной стороны, я был приятно удивлен вашими огромными достижениями в области борьбы за свободу слова... Но с другой стороны, я потрясен состоянием экономики в вашей стране, высокими ценами и низким уровнем жизни»⁷.

Позднее Рикёр приезжал в Россию в апреле 1995 г. Он прочитал лекции «Кто является субъектом права?» и «Акт суждения» в Институте философии и «Санкция, реабилитация, прощение» во Французском Университетском Колледже. В августе 1995 г. он принял участие в международном конгрессе «Парадигмы философствования» в Санкт-Петербурге. В апреле 1996 г. Рикёр прочитал в Институте философии лекцию «Кризис Cogito» в рамках международной конференции «Бессмертие философских идей Декарта». Во Французском Университетском Колледже он прочитал лекцию «Универсальное и историческое». В апреле 2003 г. философ побывал в нашей стране в последний раз в составе представительной французской делегации на мероприятиях, посвященных 300-летию Петербурга.

На одной из встреч с московскими философами он сказал: «Мне кажется, что между нами установилось подлинное взаимопонимание, и я надеюсь на продолжение наших свободных и доброжелательных дискуссий». Поль Рикёр умер 20 мая 2005 г. в возрасте 92 лет. Его наследие служит импульсом для дальнейших философских исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ricœur P.* Le conflit des interprétations. Essais d'herméneutique. – Paris, 1969. P. 7.

² Интерпретируя историю. Интервью П. Рикёра О. Мачульской в связи с изданием в России книги «История и истина» // *Рикёр П.* История и истина. – СПб., 2002. С. 10 – 11.

³ Там же.

⁴ Интервью П. Рикёра Ж.-П. Аллали и Э. Розенберже // *Les Nouvelles françaises.* 1998. № 6. P. 22.

⁵ Там же.

⁶ *Рикёр П.* Герменевтика. Этика. – М., 1995. С. 123.

⁷ Там же. С. 124.